

УДК821.121.1-312.9
ББК84(2Рос=Рус)6-44
В67

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Серия «Stalker» основана в 2013 году

Оформление обложки — *Александр Руденко*

Волков, Тим.
В67 Буферная Зона. Обитель Мрака: [фантастический роман] / Тим Волков, Алексей Сидоров. — Москва : Издательство АСТ, 2020. — 288 с. — (STALKER).

ISBN 978-5-17-121523-1

Чернобыльская Зона всегда манила смельчаков и аферистов, желающих быстро разбогатеть на хабаре. Но теперь все изменилось, и уже не сталкеры стремятся туда за добычей, а сама Зона, словно проголодавшись после долгого сна, вышла за привычные границы и начала «пожирать» новые территории. Близлежащий город в один миг превратился в Буферную Зону — жуткое пограничье, где царят анархия и беззаконие. Кто-то успел спастись бегством, кто-то оказался в ловушке, а кто-то воспринял происходящее как знамение — знак к началу действий. Сворачиваются дикие ритуалы, горят костры, льется кровь во славу сил зла. В самом сердце аномальной территории пробуждается нечто темное и могущественное, способное уничтожить человечество.

Как далеко пойдет обычный житель города Максим, чтобы помешать наступлению дьявольской орды, а задно вернуть дочь, украденную служителями страшного культа? И главное — сможет ли он, однажды вступив на путь крови, в итоге остаться человеком?

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-121523-1

© Волков Т., Сидоров А., 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2020

ПРОЛОГ

ЗВЕРИ

— Папочка, они опять ревут! — испуганно прошептала Лера.

— Ложись спать! Я подежурю, — попытался успокоить дочку, хотя понимал, что это бессмысленно: если мутанты прорвут оборону, то за минуту окажутся здесь. На нашей улице. В нашей квартире. Квартире, которую все эти годы я наивно считал крепостью.

— Я не могу спать, папа. Они очень громко ревут. Почему они это делают?

— Они хотят, чтобы мы их боялись. — Я подошел к дочке, которая выглядывала в окно.

Полночь — пик активности тварей, в двенадцать или около того они почти всегда и атаковали. Поневоле начнешь верить в байки про потусторонние силы.

— Папочка, мне страшно! — прижалась ко мне Лера.

Обнял ее. Шестилетка, а уже столько повидала. Не по возрасту. Про себя уж молчу, все-таки три десятка с гаком лет жизни — достаточно много для такого безумного мира, как этот.

— Они на то и рассчитывают — что мы испугаемся и сдадимся. Хочешь, я тебе закрою ушки и ты поспишь?

— Нет, папа, я не смогу-у. А что, если они и правда прорвутся сегодня?

Даже не хотелось думать, что будет в этом случае. Сразу же вспоминались останки жены на мостовой. Боже, она ведь уже возвращалась домой, и как раз в это время случился прорыв на юго-восточной окраине города. Так мне сказали...

Ополченцы не заметили вовремя двух тварей. Крупные, матерые альфа-собаки, мутанты под два метра в холке. Трудно представить, что они когда-то были обычными псами. Дворняжками, на которых катались, как на конях, соседские мальчишки.

Сначала монстры выпотрошили блокпост, а потом съели Аню.

Просто растерзали ее, разбросав поперек улицы кишки — на свежем снегу они были особенно заметны. Я еще тогда подумал, откуда в человеке столько этих самых кишок, как они туда вообще влезают?! Да, в школе на уроках биологии говорили — метров двадцать, но когда увидел воочию, то подумал, что это какая-то злая шутка и кто-то захотел натянуть странного вида веревку, похожую на кровавую связку сосисок, через дорогу.

Глупая мысль, учитывая ситуацию.

Ополченец потом объяснял мне, что собаки тянули ее — мне не хотелось при этом говорить «жену», поэтому предпочитал обезличенное «ее» — в разные стороны, когда подоспел патруль. Собаки-мутанты пытались унести жертву каждая в свой угол, и только это и помогло быстро их ликвидировать — монстры фактически подставили друг друга под пули.

Будто меня это должно было утешить.

Я не мог понять, как это произошло. А еще в голове вертелась мысль: я должен все это собрать. Обязан вернуть все на место. Начал лихорадочно сгребать внутренности, пытаюсь отнести их к телу, которое лежало,

словно кукла, потерянная невнимательным ребенком, но они скользили в руке, вываливаясь обратно на свежий снег.

И я ничего с этим не мог поделаться. Абсолютно!

Моя Аня... Боже! А ведь Лерочка до сих пор не знает. Для нее мы все еще «ждем маму», которая уехала к бабушке. Дочка надеется, бедная, что мамочка вернется, хотя уже прошла пара недель. Но я решил ей ничего не говорить, чтобы не травмировать детскую психику, — хватает того, что наш город и так стоит на пороге ада.

«Хотя... — Я посмотрел в окно. — Уже не на пороге. Уже — в нем!»

— А они маму не тронут? — спросила Лера, еще раз осторожно выглянув в окно. Я подвинул горшок с цветком, название которого до сих пор не знал, но который так любили мои девочки, и показал дочке на пулеметные точки, стоявшие поперек улицы примерно в квартале от нашего дома. Собственно, это и была нынешняя линия фронта.

За ней — Зона.

— Нет, конечно. Мама вернется — ты же сама сказала, что мы отсюда никуда не уйдем, пока она не придет. Так вот, она обязательно вернется. Все немножко устанется, и она вернется. Обязательно! — Я уже не помнил, когда научился врать настолько убедительно. Чего не сделаешь для того, чтобы ребенок оставался в некоем безопасном подобии мира, даже когда от самого мира уже не осталось и следа. Сплошная иллюзия. Выдумка.

Пулеметы снова затарахтели. Даже отсюда, а мы жили на пятом этаже хрущевки, было видно, как во вспышках очередей мелькают перекошенные от злобы морды тварей. Если бы не было пулеметов или — не дай бог! — вдруг закончились патроны, то они бы через пару

минут были здесь. Разорвали бы в клочья пулеметный расчет, раскидали в стороны колючую проволоку и мешки с песком. Кстати, до сих пор не понимал предназначение последних — от мутантов они все равно не спасают, но устройство блокпоста оставалось неизменным что для военных операций, что для борьбы с монстрами.

— Мамачка обязательно вернется, — соврал я и отвернулся в сторону, сделав вид, что в глаз попала соринка. Ни к чему сейчас слезы. Если я тут буду реветь, то кто поможет моей дочке?

— Правда? — Не знаю, как она вообще мне верила. А верила ли? Может, обо всем догадалась, но не подавала вида?

Лера могла.

Она была не по годам умной девочкой, хоть и верила до сих пор в Деда Мороза. В этом году она заказала ему, чтобы Зона остановила наступление на город. Так и написала в письме: «Хачу чтобы она остановилась. Пожалуйста!» Мне даже не надо было уточнять, что именно дочка имела под словом «она». Это было очевидно — из приграничной зоны Периметра город быстро оказался по другую его сторону. Чуть дальше, в пяти километрах от Темногорска, военные спешно возводили стены нового Периметра, боясь не успеть до нового прорыва.

Так мой родной город стал частью Буферной Зоны — диких земель, которые еще не стали Зоной, но уже не были Большой землей.

«На пороге ада» — так писали про «осаду» Темногорска газеты с Большой земли. Я как-то читал одну такую. Она сообщала о том, что военные бегут, уходят с места прорыва Старого Периметра, который давно уж и не «старый» вовсе, потому что переносился два или даже три — не помню — раза, и возводят укрепления на

несколько километров восточнее старой границы Зоны отчуждения Чернобыльской атомной электростанции. Выделено на это столько-то миллионов рублей, из них украдена уже половина. Отлично! Теперь не факт, что вообще построят заборчик — типичная ситуация для страны, которая давно уже напоминала одну большую Зону, пытающуюся изображать из себя цивилизованное государство.

Но тем, кто остался, по сути, было уже все равно.

Да, надо было уходить из города, бежать, пока была возможность. Но последнее «окно» для перехода на другую сторону Периметра закрылось еще несколько дней назад, как раз тогда, когда я отошел от беспробудного горя. При этом мне не требовался алкоголь — я и без него находился в глубокой прострации и постоянно врал дочке.

Когда же стало известно, что «окно» закрылось и больше никого не пускают, до меня наконец-то дошло: мы действительно встряли. Линия фронта за последние две недели продвинулась сразу на несколько кварталов вглубь Темногорска и с каждым днем сдвигалась все ближе к нашему дому.

Теперь мы могли видеть ее прямо из окна.

— Папа, ты ляжешь рядом со мной? — спросила Лерочка.

Внимательный взгляд карих с зеленоватым блеском глаз. Как у мамы. Я еще шутил, что она похожа на ведьмочку. «Но обещаю любить тебя, даже если ты будешь прилетать ко мне на метле», — говорил я Ане.

Через три года она умерла. И ведьмины глаза ей не помогли.

Но я должен был продолжать создавать видимость безопасности в одной отдельно взятой квартире, поэтому взял девочку за руку:

— Да, моя родная. Конечно. Я никуда от тебя не денусь. Я смогу тебя защитить. Смогу!

Я еще не знал, что опять соврал, — в дверь постучали.

— Папа, кто это? — испугалась Лера.

Поглядел по сторонам. Вопреки здравому смыслу за все то время, что Зона подходила к нашему дому, я так и не обзавелся оружием. Даже захудалым ружьишком. Единственное, чем я мог противостоять наступающему злу, — разум. Да, вы будете смеяться, но так уж я воспитан. Мать всегда говорила, что лучший способ победить в драке — не участвовать в ней. Не лезть в пекло, обходить стороной идиотов, а на темных улицах огибать за пару кварталов шумные, пьяные компании. Этот принцип хорошо работал в мире, когда он еще не съехал с катушек окончательно и бесповоротно.

Но после того, как все рухнуло, я оказался не способен к выживанию.

И самое главное — не мог защитить тех, кто мне дорог.

— Кто это? — спросила Лерочка еще раз.

«Не знаю», — понял я, но вслух сказал другое:

— Наверное, патруль, ополчение... Просто проверят, что комендантский час выполняется, и уйдут, понимаешь? Сейчас время атаки, поэтому перестраховываются, — снова соврал я.

В такое время все ополченцы были на баррикадах — людей не хватало, и лишних на патрули просто не оставалось.

После того, как полиция была распущена, только представители самообороны и оставались той силой, которая сдерживала город от наступающей заразы. Я тоже

должен был стать частью ополчения, но не успел — после гибели жены от меня на время отстали. Даже не заикались о том, чтобы войти в патруль. Жалели, видимо.

Но я ошибся, опасаясь мутантов. На самом деле мне следовало бояться тех, кто ходит на двух ногах.

Тех, кто прямо сейчас стоял за дверью.

* * *

Лера ушла в спальню, забралась под кровать. Дочка всегда так делала, когда боялась. Нападали ли мутанты или просто за окном бушевала гроза — она всегда туда залезала. Плакала. Тогда я приходил к ней и успокаивал: «Все в порядке, малыш! Это просто Зевс на небе ссорится с женой». Она умолкала, отвечая: «Хорошо, что вы с мамой не ссоритесь». — «Ссоримся, конечно, но не так, чтобы мир в труху», — улыбался я и вытаскивал ребенка из-под кровати. Но засыпала после этого она все равно только в обнимку, а после того как мама однажды не вернулась, так и вовсе каждый вечер только вместе.

— Открывай! — проревел голос за дверью.

— Кто там? — по пути я взял трубу от пылесоса, единственное доступное на данный момент оружие. Я не был уверен, что труба выдержит даже простой удар по голове, скорее сомнется. Но была надежда, что старые советские пылесосы все-таки делали из железа, а не из китайского «чугуня».

— Открывай! — повторил голос, даже не удосужившись ответить.

— Кто там? — вновь спросил я.

— Мы... — ответил голос.

За ним — приглушенное ржание. Говоривший точно был не один.

— Вроде все должны быть на баррикадах сейчас... из ваших, разве нет? Это же ополчение, да?!

— Да, все на баррикадах... — Голос сконфуженно кашлянул, продолжив: — Но нас послали проверить. На всякий случай. Вдруг мутанты проникли в город или еще что. Из вашей квартиры лучшая точка для обзора.

В этом он был прав — с нашего балкона действительно открывался отличный вид на то, что раньше было детской площадкой, старым парком, и — буквально в пятидесяти метрах — на так называемую линию фронта.

— Хорошо, — ответил я.

На всякий случай трубу возвращать на место не стал, убрал за спину. Повесил цепочку, щелкнул замком.

— У меня дочка спит... — начал было я, впуская неразумных ополченцев. Но это были не они...

Незнакомец рванул дверь — и разорвал цепочку. Боже, я даже видел звенья разъединяющейся цепи, которые разлетелись в сторону со скоростью слоу-мо эффекта в голливудском блокбастере. При желании я мог бы их разглядеть во всех деталях, но процесс бездумного созерцания было жестоко подавлен ударом железной двери, который пришелся аккурат в нос.

Хрустнуло. Кровь брызнула в стороны, в том числе и в лицо бородачу с повязкой на глазу, который вломился в квартиру.

— Твою мать! Ты ж меня забрызгал! — и он ударил меня палкой. Точнее — крестом, будто выданным из могилы.

— Кхр-р! — захрипел я.

Попытался подняться, но не смог — следующий удар креста пришелся аккурат между лопаток. Упал на пол, приложившись подбородком о дверной порог.

Лерочка, боже мой! Надеюсь, она спряталась! Надеюсь, она поняла все, потому что... мысль продолжить не смог, потому что тяжелый сапог опустился на кисть, сжимавшую теперь уже точно бесполезный отросток трубы. Пальцы хрустнули, я застонал.

— Ты смотри-ка, как он встречает служителей Мрака! Хотел на нас напасть, пришлось утихомирить негодя, так ведь, братья? — Бородач, видимо, обращался к тем, кто пришел вместе с ним.

— Да-а. Хотел напасть. Хотел защитить ведьму, — ответил ему молодой голос, обладателя которого я не видел.

— Какую... кхр... какую ведьму?

— Ее, — ответил бородач и сильнее нажал сапогом на пальцы. Я понимал, что, скорее всего, в ближайшее время не смогу двигать правой рукой. Даже если это будет попытка потрепать дочурку по голове — пальцы не сработают, там все ломано-переломано.

— Где она? — рявкнул бородач, потом, видимо, обратился к одному из спутников: — Серый, слетай, глянь, где этот говнюк ее прячет?

— Нет! — я уже понял, что им нужна Лера. Если этот тип, Серый, ее найдет, то что дальше?!

Явно ничего хорошего!

Про служителей Мрака ходили разные слухи. Культ, иначе и не назвать, сформировался удивительно быстро на базе приходской общины храма Святой Троицы, обычной с виду церкви. Говорили, дескать, бывший митрополит, глава местной епархии Марк Баюнов, совсем слетел с катушек и проповедует среди людей, что нужно повиноваться Зоне. Открыть ей вход в город. Помочь в распространении.

Люди уже начали про себя называть преподобного Мраком, но это было еще до того, как все завертелось.